ДРЕВНЕАРМЯНСКИЙ ВАХАГН В СВЕТЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ*

Р. ЯКОБСОН (Кембридж, США)

Книгу *VRTRA et VRθRAGNA*, совместную работу Э. Бенвениста и Л. Рену (Париж, 1934), открывает мудрый завет первого соавтора: «Мифологический факт является в первую очередь языковым фактом». В силу названного методологического принципа два этимологически родственных образа — иранский VRθRAGNA и индийский VRTRAHAN — поддались более точному учету. Однако тот же, но шире примененный языковедческий подход позволил монографии Ж. Дюмезиля, «VAHAGN» (*Revue de l'histoire des religions*, CXVII, 1938), внести несколько коррективов, а именно: пристальный учет экспансии индоиранского мифа из Ирана в Армению и внимательный разбор девяти стихов о VAHAGN'е в армянском памятнике пятого века дали возможность восстановить пропуск в иранских текстах, пробел, объяснимый глубоким стилистическим различием между авестийским перечнем репертуара чудодейственных воплощений героя и сохранившимися в индийской и армянской литературе прославлениями одного, основоположного чуда.

Ирано-славянская диффузия мифа в свою очередь требует расследования. Мифологические показания древнерусской письменности называют в числе богов СВАРОГА и его сына СВАРОЖИЧА, отожествленного с солнцем и делящего свой патроним с главным идолом полабского храма в Ретре, согласно описанию очевидца. В пограничных, частью онемеченных округах ляхитских и словенских корней наблюдатели, по свидетельству чешского историка Яна Пейскера, обнаруживают «многочисленные» примеры возвышенностей с названиями, таящими имена Сварога и Сварожича, в единичных случаях с сохранением начального *s*, но чаще с табуирующим *t*: таковы *Swarozyno Siodło*, *Twarozna góra*, *Twaraschitzberg*.

Наиболее вероятным источником славянского, явно заимствованного, имени SVAROGЪ надо считать иранское мифологическое имя VRθRAGNA с его задним открытым гласным между вибрантом и велярным согласным. Если непосредственным образцом для армянского имени VAHAGN послужил исторический вариант VARHRAGN, то славянская форма наиболее тесно связана с диалектным среднеиранским обликом VARAGN, на который в 1950 году обратил наше внимание ученый-иранист П. Тедеско.

Начальный согласный славянской формы — либо новый пример беглого *s*, либо контаминация с ходовым славянским корнем *svar-*, означающим «отповедь, распрю» и созвучным семантически с иранским

---

* Эта небольшая статья — «абстракт» доклада, с которым покойный Роман Осипович Якобсон предполагал выступить на Международном симпозиуме по армянскому языкознанию в Ереване в сентябре 1982 г. Текст статьи любезно предоставила редакции К. Поморска-Якобсон.

VRθRA, «сопротивление», т. е. первой частью составного имени VR̥θRAGNA.

В числе десяти перевоплощений авестийского VR̥θRAGNA седьмое, выделенное магией числа, занимает особливо значимое место в характеристике героя, превращая последнего в наивысшей породы сокола, VARAGNA. Бенвенист (стр. 34) справедливо усматривает увлекательную возможность предположить, что в основе формы VĀRAGNA- лежит значение «сокрушитель обороны», и таким образом «подлинное этимологическое родство сблизило бы бога VR̥θRAGNA с птицей, раскрывающей его сущность». Однако тот же исследователь предусматривает равно и вероятие обратного хода вещей, т. е. применение этимологии народной, основанной на прославленном сходстве сокола и божества в зоркости, в стремительности полета и в боевом натиске.

Каков бы ни был исторический порядок соотношения между божеством и его седьмым перевоплощением, несомненен факт славянского размежевания обоих аспектов, т. е. божества VR̥θRAGNA и его воплощения VĀRAGNA. Самый бог и его порождение развернуты в вертикальную двоицу, а именно семейство — СВАРОГЪ и его сын под патронимом СВАРОЖИЧЬ, собственным именем ДАЖЬБОГЪ, а также нарицательным и ласкательным среднего рода СЪЛНЬЦЕ, чему в Ведах соответствует VR̥TRAHAN с его новосозданным светилом, а в армянском мифе VAHAGN выходит из пламени с огнем волос, огнистой бородой и глазами-солнышками. В восточнославянской *Повести временных лет* ДАЖЬБОГЪ сочетается с грамматическим приложением ХЪРСЪ, т. е. с эпитетом «лучезарный», словообразовательным сородичем авестийского XVARƏNAH- «священное озарение», «лучистое благо». XVARƏNAH- увенчивает два воплощения, седьмое, т. е. XVARƏNAH-, и первое воплощение VATA (слав. ВѢТРЪ с активным одушевленным суффиксом).

Горизонтальный параллелизм сближает в древнерусской литературной традиции ДАЖЬБОГА с его собратом СТРИБОГОМ, по закону импликации требующим в перечнях богов соприсутствия ДАЖЬБОГА.

Оба божества сцеплены тождеством второй части своих сложных имен (-бог), а также императивом и реальным значением первой части: «податель благосостояния» — солнце, и «раздатчик» — ветер (ср. ст.-чеш. *strieti* и др.-рус. *strěti*). Недаром потомки СТРИБОГА зовутся «вѣтри» и формулы, посвященные ДАЖЬБОГУ и СТРИБОГУ, объединены сомкнутой сетью выразительных парономазий: вѣ*три, стри*божи *стр*ѣлами; о*бид*а *д*ажь*б*ожа у*буд*и. Ветер в Ведах провозглашает: «Меня зовут тем, кто рассевает». Схожие функциональные двоицы обиходны в индоевропейских мифологических системах; ср. вед. BHAGA-AMÇA, др.-гр. ΑΗΣΗ-ΠΟΡΟΣ (L. R. Palmer).

Усвоение иранской формы VĀRAGNA-, обозначавшей воплощение бога VR̥θRAGNA в высшую разновидность сокола (Würgfalke, cinereus), и распад связи между обоими именами характерны для славянского языкового мира, где название сокола приобрело языковую окраску, существенно отличную от божеского имени. Это название сокола частью

сохранило свое орнитологическое значение, частью распространилось и на другие виды соколов или хищных птиц вообще, большей частью же сохранило идею демонического характера иранской мифологической птицы. Образ демонической птицы получил широкое распространение в западнославянских языках и на западной окраине южнославянского языкового круга, как свидетельствуют краеведческие показания двух последних веков. Лабиальный приступ формы VĀRAGNA- сменился предвокальным йотом, или же иранское сочетание долгого *ā* с *р* дало ход метатезе: *ар* > *ра*. Оба перехода распространены во всех перечисленных языках, причем формы на *-х* особенно привычны в языках с переходом конечных звонких мгновенных велярных в соответствующие длительные. Несколько примеров: словинские JAROG, JAROŽICA, RAROH, RÁROG; польские JAROG, RAROG; силезский JARÁSEK; чешские RARACH, RARÁCH, RARAŠ, RARÁŠEK, RADÁŠEK (ю.-чеш. форма с расподоблением внутреннего согласного), RARAŠIK, RARÁŠČATA, RÁROZ, RÁROHY, RAROH, RAROCH; словацкие RÁROH, RARÁŠIK. Подробные обзоры чешских поименованных мифических существ разработали языковеды Ján Kořínek (*Listy filologické* LX, 1933) и Václav Machek (*Linguistica slovaca* III, 1941).

Machek в своих соображениях о связи форм славянских обозначений сокола вообще и демонической птицы в частности с иранским VĀRAGNA- и поставил рассудительный вопрос о зависимости славянского, преимущественно фольклорного, слова от иранского источника.

Мифологическое сходство обоих имен не подлежит сомнению. Чешский Рарах, которому краевед A. Hajný посвятил обстоятельный очерк, отличается теми же чертами („Rarašek", *Věstník*: Rozhledy historické, topografické, statistické, národopisné, školské po okresním hejtmanství Poděbradském, 1898, № 2, стр. 20—22).

В своих демонических характеристиках и функциях вся эта славянская словесная семья проявляет целый ряд ярких сходств с иранскими образцами, особенно с именем, данным в Авесте седьмому (из основных) воплощению бога VR̥θRAGNA и другому из его главных воплощений, т. е. первому. Ветер и огонь — краеположные стихии, характеризующие Рараха, как свидетельствует Hajný:

«Люди у нас представляют себе «Рарашка» в виде летящего над горизонтом огня. Портной возвращался поздней ночью домой. Внезапно он увидел над собою на небе огонь, будто огненную пулю. Он испугался и пошел быстрее домой. Но огонь непрерывно шел за ним до самой деревни. Устрашенный бедняга прибежал домой и созвал домочадцев посмотреть на огонь. Все еще видели, как тот влетел в соседнюю деревню и там опал. Это был несомненно Рарашек. Следует напомнить, что бурный ветер у нас тоже носил имя Рарашек. В сильном вихре, который подымает пыль и мусор и уносит все это столбом ввысь, люди усматривают Рарашка и всячески его избегают».

Если Рарашек враждебен человеку, он разносит и обращает в прах весь его несжатый хлеб. Способность превращаться в различных птиц и зверей повсеместно приписывается Рарашку. Это демон огненного тела и, превращаясь в змею, днем и ночью испускающий искры. Рарашек все чаще представляется волшебной птицей, перья которой

обладают магической силой. Из зоба этой чудодейственной птицы вылетает зной, подлинное дыхание Рарашка.

Чудотворный характер, приписываемый рождению, точнее перерождению, которое переживают ведийский VṚTRAHAN и армянский VAHAGN, находит себе параллель в чешском фольклорном предании о том, как создается, точнее воссоздается, Рарах. Девять мифологически изысканных условий необходимы для создания Рарашка. Он должен быть первым птенцом из первого яйца первого сноса, и курица должна быть вся черная без единого перышка иного цвета. На этом яйце не может сидеть курица, а высидеть его может только мужчина, охраняя его подмышкой и на припечьи в течение девяти дней и девяти ночей, не молясь и не моясь.

Любопытны примеры скрещения обеих славянских разновидностей *svar-* и *jar-* в разнообразном применении к суши non plus ultra, по выражению П. Сырку, исследовавшего румынский диалектизм *сфарог* восточнославянского происхождения (*Ж. М. Н. П.*, CCLI, май, 1887), и, с другой стороны, в чешских диалектах RÁROŽ («дотла иссушенный хворост») и в словацких RÁROHY («валежник»).

ՀԻՆ ՀԱՅԿԱԿԱՆ ՎԱՀԱԳՆԸ ՀԱՄԵՄԱՏԱԿԱՆ ԱՌԱՍՊԵԼԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ԼՈՒՅՍԻ ՏԱԿ

Ռ. ՅԱԿՈԲՍՈՆ (Քեմբրիջ, ԱՄՆ)

(Ամփոփում)

Հոդվածում հեղինակը հայկական Վահագնին համադրում է սլավոնական առասպելական այն պերսոնաժների հետ, որոնք ծագում են իրանական նույն աղբյուրից, որից և Վահագնը. դրանք են՝ Սվարոգ աստվածը և նրա որդի Սվարոժիչը (արև)։ Համադրության մյուս եզրը Ռարախ կամ Ռարաշեկ դիվական թռչունն է։